

ПРАВОМЕРНОСТЬ ЦЕЛЕВЫХ УБИЙСТВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ: МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Аннотация: В настоящей статье рассматривается одна из наиболее спорных государственных практик, используемых в настоящее время для войны с терроризмом, а именно целевое убийство. Автором рассматривается соответствие указного явления международному гуманитарному праву и международному праву прав человека в связи с целевыми убийствами во время военных конфликтов и полицейских и иных операций соответственно. Рассматривая в первой части работы право военных конфликтов, автор анализирует правовой статус различных участников и общие ограничения, предъявляемые к применению силы во время военного конфликта. Во второй части исследования, рассматривая пределы защиты права на жизнь, автор выводит требования, которые должны быть соблюдены при лишении жизни. Для достижения указанной цели проводится анализ многочисленных решений международных судов и трибуналов, имевших дело с правом на жизнь. Автор приходит к выводу о соответствии практики целевых убийств нормам международного права, однако в то же время данная практика является субъектом ограничения со стороны ряда принципов международного права военных конфликтов, таких как пропорциональность, военная необходимость, осторожность, а также в части регулирования использования методов и способов ведения войны и международного права прав человека, в части защиты права на жизнь и запрета на ее умышленное или произвольное лишение. Автор отрицает существование иных оснований легализации целевых убийств, нежели те, что изложены в нормах международного гуманитарного права и права прав человека.

Ключевые слова: Борьба с терроризмом, лишение жизни, права человека, право прав человека, международное гуманитарное право, международное право, целевые убийства, право на жизнь, право вооруженных конфликтов, комбатанты.

Abstract: This article examines one of the most controversial state practices currently used in the war against terrorism, namely the targeted killing. The author assesses the correspondence of this phenomenon with international humanitarian law and international law of human rights pertaining to targeted killings during military conflicts and law enforcement operations. In the first part of the research, the author reviews the law of military conflicts and analyzes the legal status of various parties and the general limitations with regards to use of force during a military conflict. In the second part of the research, in analyzing the limits of the protection of the right to life, the author underlines the requirements that should be met before taking a life. The author comes to the conclusion that the practice of targeted killing corresponds with the norms of international law, but at the same time this practice remains subject to limitations from a number of principles in international law on armed conflicts such as proportionality, military necessity, caution, as well as the regulation of the use of methods and means of warfare and international law on human rights, particularly the protection of the right to life and prohibition of intentional or willful taking of life. The author rejects the existence of any other grounds for legalization of targeted killings other than those expressed within the norms of international humanitarian law and law on human rights.

Keywords: Law of armed conflicts, right to life, targeted killing, international law, international humanitarian law, law on human rights, human rights, taking of life, war on terror, combatants.

Традиционно в академической литературе практику целевых убийств связывают с деятельностью государства Израиль с начала 1970-х годов [46, р.3-14], однако в то время такая практика рассматривалась международным сообществом как противоправное явление и отрицалась самим Израилем [78, para.47-50]. Однако изменение политической обстановки, в частности обострение угрозы терроризма не только для государств, граничащих с

проблемными регионами, привело к более толерантному, если не одобрительному взгляду на эту практику. Так в ноябре 2000 г. Израиль официально объявил об использовании тактики целевых убийств в борьбе с терроризмом, позже этому примеру последовали Соединенные Штаты и Российская Федерация. Так Российская Федерация прибегала к использованию тактики целевых убийств при ликвидации полевых командиров на территории Чеченской Республики, а

именно Дудаева[95], ибн аль-Хатаба[94] и Басаева[87]. Более того, Российская Федерация также использовала силу за пределами РФ против террористов в Панкисском ущелье на территории Грузии[76] и против Яндарбиева[96], использование летальной силы во всех случаях не отрицалось. Также летальная сила, исключительно с целью уничтожения террористов, была применена против террористов, захвативших заложников в театральном центре на Дубровке[11, para.230]. Возможность использования такой тактики также закреплена в п. «б.2» ст. 13 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» и ст. 6 и 22 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». В настоящий момент сама идея о соответствии практики целевых убийств международному праву не вызывает сомнений ни у зарубежных[50][55][74][45][5][68] ни у отечественных[64] юристов. Однако, несмотря на это, присутствуют серьезные разногласия относительно допустимых методов и оснований.

Начиная дискуссию о целевых убийствах, в первую очередь необходимо определиться с понятийным аппаратом. Так, Н. Мелзер[50, p.4-5] в своей знаменитой работе, посвященной предмету статьи, выделяет пять критериев:

1) применение силы летального действия, направленной на лишение человека жизни;

2) субъективный элемент, удовлетворяющий трем критериям: убийство должно быть намеренное, что отделяет целевое убийство от причинения смерти по неосторожности и т. д.; оно должно быть преднамеренным в противовес внезапно возникшей необходимости, как в случае с самообороной; оно должно быть непосредственной целью выполнения операции, что отличает целевое убийство от уничтожения комбатантов противника или преступников в ходе обычной военной или полицейской операции;

3) наличие конкретного лица, избранного в качестве цели или группы индивидуумов, что отличает целевое убийство от военных операций, направленных против деперсонифицированного скопления противников;

4) отсутствие ограничения свободы передвижения лица, которое является объектом целевого убийства, что отличает его от применения смертной казни судами, специальными трибуналами или от внесудебной расправы;

5) атрибуция субъекту международного права; именно данный критерий способствует тому, что вопрос о правомерности целевых убийств покидает сферу национального права. Основными акторами международного права являются государства, однако ряд негосударственных авторов, такие как повстанческие формирования или

народы, борющиеся против колониального господства, также могут быть субъектами целевых убийств.

Начнем с рассмотрения допустимости целевых убийств с точки зрения международного гуманитарного права, раскрыв возможности и ограничения для каждого из его субъектов.

Международное гуманитарное право.

Комбатанты.

Статус комбатанта в международных вооруженных конфликтах дает его носителю ряд привилегий; так, комбатант не может быть осужден за правомерные акты войны, в случае пленения он получает статус военнопленного. Однако комбатант может быть целью атаки в любое время, до тех пор пока он расположил себя *hors de combat* (фр. вне боя). Для того чтобы получить данный статус, лицо должно удовлетворять ряду требований, например, оно должно быть членом вооруженных сил сторон (п. 1 ст. 43 Первого дополнительного протокола к Женевским конвенциям; далее – ДП I)[89]. При этом не имеет значения, к какой категории войск принадлежит комбатант или какое наименование имеет организация[60, p.51], достаточно того, что она наделена государством правом на применение силы для обеспечения обороны и безопасности государства. В редакции ДП I было ликвидировано разграничение между официальными членами вооруженных сил и иррегулярными формированиями. Однако это породило ряд проблем в толковании. Так, во время международной стадии конфликта в Афганистане США отказали комбатантам движения Талибан в статусе военнопленных, основываясь на отсутствии признания за ним прав *de facto* правительства Афганистана[82, p.1], что противоречит указанному выше положению ДП I и п. 3 ст. 4 третьей Женевской конвенции об обращении с военнопленными (далее – третья Конвенция)[100] (это особенно важно, поскольку США и Израиль не ратифицировали протокол), так как они не ставят статус комбатанта в зависимости от признания правительства[72, p.61-105][19, para.18].

Несмотря на то, что определение ДП I было сконструировано таким образом, чтобы покрывать как официальные вооруженные силы, так и иррегулярные формирования, ряд стран, в том числе наиболее активно прибегающие к целевым убийствам (например, США и Израиль), не ратифицировали протокол.

Так, для того чтобы получить привилегии, которые несет с собой статус комбатанта, иррегулярное формирование должно удовлетворять требованиям п. 2 ст. 4

Третьей Конвенции: оно должно быть организовано; принадлежать одной из сторон конфликта (имеются в виду не только стороны государства, но и стороны конфликта, которые не имеют своего государственного образования, как, например, югославские партизаны во время Второй Мировой войны)[9,р.258][47,р.54-55]; должны обладать командованием, ответственным за своих подчиненных. Условие сконструировано таким образом, чтобы лишь организованные группы могли принять законное участие в военных действиях. Для соблюдения этого условия должна быть создана иерархическая структура, которая делала бы возможным дисциплинарное принуждение[47,р.59]. Также они должны иметь постоянный отличительный знак, опознаваемый на определенной дистанции[60,р.60][83][44]. Они обязаны носить оружие открыто, вести военные действия в соответствии с законами и обычаями войны. При этом не совсем ясно, является ли это требованием к группе в целом или оно направлено на индивида. Современная научная мысль считает, что данное требование обращено к группе, и правонарушение одного не влияет на статус группы в целом[53,р.283-294]; однако есть и иная точка зрения, требующая оценивать статус каждого лица в отдельности[53,р.294].

Значительная часть целевых убийств проходит в условиях асимметричных конфликтов, поэтому мы считаем необходимым разобрать статус лиц, участвующих в немеждународных вооруженных конфликтах.

Изначально в Женевских конвенциях отсутствовали положения, относящиеся к лицам, участвующим во внутренних вооруженных конфликтах против государства, за исключением общей ст. 3. И получить правовую защиту можно было лишь путем заключения договора с правительственными силами о применимости положений о международных конфликтах[65,р.203-209] или путем одностороннего признания такого статуса правительством. Но оба случая исчезающе редки. Этот пробел должен был заполнить Второй дополнительный протокол к Женевским конвенциям (далее – ДП II)[88], однако ввиду политических мотивов сторон положение о «комбатантах» было изъято из финальной версии. Так или иначе, ДП II нацелен на защиту гражданских лиц и утверждает применимость принципа разделения между гражданскими лицами и лицами непосредственно участвующими в конфликте. А значит, есть и «комбатанты».

Определение ст. 1 ДП II устанавливает ряд критериев для неправительственной стороны. Так, наименование «организованные вооруженные группы» подразумевает определенный уровень организации. В академической среде сложился консенсус по поводу

того, что уровень организации должен быть сопоставим с требованиями, выдвигаемыми к вооруженным силам в ДП I[52,р.36]. Также должно присутствовать централизованное командование. Ввиду характера внутреннего конфликта требование существенно ослаблено по сравнению с первым протоколом, но, безусловно, это все равно должны быть организованные действия, а не отдельные самостоятельные акты лиц или групп[48,р.65-66]. Территориальный критерий, согласно которому воюющая сторона должна контролировать часть территории государства, имеет под собой не количественную, а качественную основу. Контроль должен позволять стороне вести и планировать военные операции и непосредственно осуществлять управление этими территориями[65,р.105].

В то же время ДП II не ставит условий отграничения воюющих сторон, в особенности неправительственной стороны, от гражданского населения, так как в основном нацелен на защиту гражданского населения, а не на регулирование военных действий. В связи с этим существуют несколько концепций.

Первой концепцией является активное участие в военных действиях. Апологеты данной точки зрения пытаются связать статус «комбатанта» в немеждународном конфликте с общей ст. 3 Женевских конвенций, которая гласит, что лица, не принимающие активного участия в военных действиях, пользуются особой защитой; следовательно, лицо, принимающее активное участие в военных действиях, теряет защиту как гражданское лицо[62,р.152-153][85,р.9-10][22,р.210]. Данная позиция достаточно проста, так как не создает больших трудностей для отделения гражданских лиц от бойцов неправительственной стороны; в то же время неправительственная сторона вне непосредственных столкновений старается слиться с гражданским населением, и это приводит к тому, что правительственные войска ограничены возможностью применения летальной силы лишь периодом непосредственного вооруженного столкновения; тем самым создается дисбаланс между участниками конфликта, и это, в конечном счете, ведет к угрозе специальному статусу гражданского лица в конфликте.

Вторая концепция основывается на использовании такого критерия, как членство в группе с постоянной боевой функцией: если лицо является членом такой группы, то независимо от того, участвует ли оно непосредственно в военных действиях или осуществляет вспомогательные функции, оно может быть законной целью для атаки в любое время, пока является членом такой группы или не расположило себя *hors de combat*. Остальные лица являются гражданским населением,

пользуются соответствующей защитой и даже в случае непосредственного участия в военных действиях могут быть целью для атаки лишь в период такого участия[21,р.239][45,р.199]. Данная точка зрения поддерживается Комиссией ООН по правам человека, которая утверждает, что статус «комбатанта» во внутреннем вооруженном конфликте может быть подтвержден в случае, если лицо непосредственно участвовало в военных действиях в тот момент когда было убито, либо если имеются доказательства того, что лицо исполняло военные функции несмотря на гражданскую внешность[75,para.194]. Схожей точки зрения придерживается и Комитет красного креста[41,р.71-73].

У государства нет обязанности располагать сведениями о принадлежности конкретного человека к группе с постоянной боевой функцией до того, как оно применит летальную силу. Во многих случаях такая информация может быть получена лишь *post factum*[45,р.199]. Схожее требование к доказыванию присутствует и относительно права государств на самооборону. Так, наличие данного права и законная возможность им воспользоваться не поставлены в зависимость от предоставления Совету безопасности ООН доказательств в праведности его исполнения[24,р.839-842]. Эта позиция подтверждается и практикой Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). Так, в деле *McCann* суд постановил, что государство может использовать силу, но *впоследствии* должно подтвердить обоснованность ее применения[12].

Вторая концепция является более практически применимой. Несмотря на то что ряд исследователей утверждают, что на неправительственной стороне лежит обязанность отграничивать себя от гражданского населения специальным обозначением или открытым ношением оружия[8,р.144], на практике это встречается редко, так как соблюдение этих требований не может дать «комбатантам» неправительственной стороны правовой защиты, сравнимой со статусом военнопленного, но в то же время существенно ограничивает их в тактическом плане. В академической литературе существует и иная точка зрения, поддерживаемая в том числе Комитетом красного креста: в случае сомнения при определении статуса лица во время вооруженного конфликта приоритет имеет статус гражданского лица[10,р.891][62,р.74-76].

Комбатанты и лица, непосредственно участвующие в военном конфликте, могут служить законной целью для атаки в любое время, однако существует ряд тактических ограничений; например, недопустимо атаковать лицо, которое расположило себя вне боя, и использовать приемы, которые могут быть квалифицированы как вероломство.

Убийство, а также нанесение ранений или захват лица, совершенный с использованием вероломства, запрещены как в международных, так и во внутренних конфликтах, что закреплено во многих воинских уставах и является общепринятым[29,р.221]. Несмотря на то, что вопрос о противоправности вероломства поднимался еще таким основоположниками международного права, как Гроций, непосредственное закрепление он получил лишь в Гаагской конвенции 1907 г.[92] (которая, правда, не устанавливала общего запрета, а имела закрытый перечень запрещенных способов) и в Женевских конвенциях и протоколах к ним. Так, ст. 37 ДП I дает исчерпывающее определение вероломству: для того чтобы быть вероломным, акт должен быть совершен с намерением убить, ранить или захватить лицо с использованием способа, который вызывал бы доверие у противника (симулирование смерти или ранений, намерения вести переговоры, введение в заблуждение относительно обладания статусом, предоставляющим защиту, путем использования знаков, флагов, эмблем и т. д.).

Для того чтобы разобраться, какой способ использования летальной силы против комбатанта будет правомерным, необходимо разграничить понятия вероломства и военной хитрости. Военная хитрость – это акт, направленный на то, чтобы ввести противника в заблуждение и заставить его действовать опрометчиво, в то время как вероломство – это сознательное злоупотребление доверием человека, его верой в защиту, предоставленную международным правом.

Целевое убийство будет противоречить международному праву, если оно было совершено под вероломным прикрытием, а именно под личиной гражданского лица (хотя для народов, борющихся с колониальными и расистскими режимами, враждебной оккупацией, установлены более мягкие стандарты: им достаточно держать оружие на виду во время атаки и подготовки к ней), с ненадлежащим использованием флага или символа. При этом ряд исследователей считают, что ненадлежащим использованием флага или символа будет лишь такое, которое непосредственно привело к смерти, ранению или захвату лица в плен, в то же время использование флага или символа, непосредственно не связанное с использованием силы (например, занятие удобной позиции), вряд ли может быть квалифицировано в качестве вероломства[23,р.269-314], хотя данная позиция не является общепринятой[86,р.337]. Также целевое убийство может быть признано вероломным, если лицо обладает специальным статусом. Еще до первой кодификации вероломства в ст. 23 Гаагской конвенции убийство гражданского представителя или главы сто-

роны, а также ее высших должностных лиц, если они не обладают статусом комбатанта или не встроены в цепочку военного командования[23,р.278], считалось вероломством. Определение ДП I к Женевской конвенции не является исчерпывающим, оно не было призвано заменить существовавшие на тот момент нормы ст. 23 Гаагской конвенции[7,р.431], квалифицирующие в качестве вероломства подстрекание комбатантов противника к убийству их руководства, использование наемных убийц и назначение цены за голову конкретного лица, которые выводятся из положений о запрете объявлять приказ об отсутствии пощады[28,р.317]. Некоторые авторы идут дальше и считают, что убийство, совершенное с помощью информации, добытой пытками или обманом, становится вероломным[69,р.127-137], однако, на наш взгляд, нет никаких оснований для таких выводов, поскольку в международном гуманитарном праве отсутствует концепция «плодов отравленного дерева» в отношении вероломства.

Еще один правовой запрет, ограничивающий возможность целевого убийства, – это запрет на убийство лица, которое по своей воле или в силу не зависящих от него обстоятельств расположило себя вне боя, т. е. не способно оказывать сопротивление. Данное положение является обычным международным правом[29,р.164], применяется как во внутренних, так и в международных конфликтах и зафиксировано в ст. 23 Гаагской конвенции и ст. 41 ДП I. Это положение в одинаковой степени применяется как в отношении комбатантов стороны, так и в отношении гражданских лиц, непосредственно участвующих в военных действиях[7,р.483]. Оно защищает не только лиц, которые попали под контроль неприятеля, но и тех, которые остались без средств к защите[7,р.484] или были ранены и неспособны продолжать бой. Данное положение мало применимо в отношении целевых убийств, потому что они, как правило, пользуются эффектом внезапности, тем самым не оставляя цели возможности сдаться или иным способом расположить себя вне боя; однако если внезапная атака не дала эффекта и цель расположила себя вне боя, то атака должна быть остановлена.

Помимо специальных положений на использование силы влияют также общие принципы международного гуманитарного права, такие как принцип пропорциональности и военной необходимости. Так, согласно последнему воюющие стороны должны использовать лишь тот объем силовых методов, который вынудит противника сложить оружие и прекратить борьбу; именно на этом основан ряд запретов, например, запрет атаковать лицо, которое расположено *hors de combat*.

Согласно же принципу пропорциональности стороны должны применять силу таким образом, чтобы потери противной стороны были пропорциональны полученному в результате такой атаки военному преимуществу; это привело ряд ученых к заключению о том, что в случае равной эффективности приоритет должен отдаваться использованию более щадящих[97,с.4-20] средств ведения войны, вплоть до нелетального оружия[20,р.51-100], однако данные положения в лучшем случае остаются *de lege ferenda*, а *de lege lata* принцип пропорциональности по-прежнему остается в области вопроса о косвенном уроне и запрете на атаки неизбирательного характера.

Таким образом, целевые убийства комбатантов противника или лиц с постоянной боевой функцией в общем не противоречат международному гуманитарному праву; лишь использование запрещенных способов ведения войны или атака лица, расположившего себя вне боя, могут сделать такое убийство противоправным.

Гражданские лица.

По общему правилу гражданские лица пользуются безоговорочной защитой со стороны международного гуманитарного права; существует лишь несколько исключений, которые делают атаки против гражданского лица законными, – это непосредственное участие такового лица в военных действиях и косвенный урон, но так как последний не предполагает, что гражданское лицо является непосредственной целью таковой, то он не будет рассмотрен в настоящей статье.

Статья 50 ДП I дает четкое определение тому, что есть гражданское лицо, – это любое лицо, которое не является членом вооруженных сил сторон. Статья 51 ДП I и ст. 13 ДП II устанавливают однозначный запрет на применение силы в отношении гражданского населения или гражданских объектов.

Единственным исключением из этого правила является непосредственное участие гражданского лица в военных действиях, что выражено в п. 2 ст. 51 ДП I и п. 3 ст. 13 ДП II; данное положение также является обычной нормой международного права[29,р.25]. Однако гражданское лицо, участвующее непосредственно в военных действиях, не становится комбатантом, а является лишь гражданским лицом с меньшим уровнем защиты и лишь на период такого участия.

Для того чтобы ответить на вопрос о том, принимало ли лицо непосредственное участие в военных действиях, необходимо разобраться с вопросом о том, что же представляет собой эта концепция.

В свое время вопрос о составных частях непосредственного участия в военных действиях был достаточно спорным, но после принятия Комитетом Красного Креста «Определения непосредственного участия в военных действиях»[50,р.1-2] мы можем говорить о наличии некоего консенсуса, так как данная точка зрения хотя и не является универсально принятой, но пользуется большой поддержкой в академических кругах[98,с.19-36][66,р.32][67,р.203].

Таким образом, непосредственное участие в военных действиях состоит из трех элементов: 1) действие; 2) причинно-следственная связь; 3) вред (военный результат, *belligerent nexus*).

Непосредственное участие в военных действиях – это отдельное действие, выполняемое лицом в течение определенного времени. Данное уточнение является важным, так как если лицо принимает участие в военных действиях, не являясь членом вооруженных сил сторон или членом группы с постоянным боевым статусом (в случае внутреннего вооруженного конфликта), то оно может быть атаковано лишь в момент совершения такого акта.

Также действие должно удовлетворять еще одному критерию, а именно порогу вреда (*threshold of harm*): действие должно иметь своим вероятным последствием нанесение вреда противоположной стороне конфликта; таким образом, данная формула во многом схожа с формулой расчета военной необходимости, где применяется лишь ожидаемая выгода, и дает возможность пресекать ряд потенциально враждебных действий еще на стадии их подготовки.

Целью атаки могут быть как военные, так и гражданские объекты, а также лица, находящиеся под защитой международного права. В случае атаки на военный объект требование порога вреда считается выполненным независимо от возможных последствий[41,р.47]. При этом данное действие не обязательно должно влечь за собой материальный или моральный вред для противоположной стороны. Достаточно лишь отказа от использования определенного объекта, охрана военнопленных и т. д.[41,р.48], а также вмешательства в компьютерные сети или сбора информации, если она впоследствии будет использована для планирования военных операций[41,р.48].

Второй обязательный элемент – причинно-следственная связь между действием и последствиями. Данная связь должна быть прямой, и действие должно быть единственной причиной наступивших последствий. Именно она является тем инструментом, который позволяет отграничить участие в военных действиях от более общего участия в конфликте[7,р.619].

Классический пример участия в конфликте – деятельность рабочих военного завода, которая хотя и имеет отношение к наступлению для стороны противника негативных последствий, но является слишком опосредованной[9,р.131].

Последним элементом непосредственного участия в военных действиях является военный результат (*belligerent nexus*). Так, действие должно не только соответствовать требованию порога вреда, но и совершаться с умыслом нанесения вреда противоположной стороне конфликта или созданию военного преимущества. Несмотря на то что в определении присутствует субъективный элемент, он является вспомогательным[29,р.164]. Основным критерий здесь – не мотив или цели индивида, а критерий объективный: насколько те или иные действия лица могут быть восприняты противоположной стороной в качестве совершенных с намерением оказать поддержку или навредить одной из сторон. Применение силы в целях самообороны или пресечения противоправного поведения (грабеж, изнасилование и т. д.) не является непосредственным участием в военных действиях, хотя и может иметь определенные последствия для одной из сторон конфликта[29,р.164].

Ряд источников используют не совсем согласованную терминологию; так, в отдельных источниках международного права и в академических работах «непосредственное участие в военных действиях» подменяется «активным участием в военных действиях» либо они используются как несколько различающиеся концепции. Так, при обсуждении проекта статута Международного уголовного суда эти два определения были признаны имеющими разное значение и «активное участие...» было отождествлено с так называемыми участием в конфликте (*war efforts*)[77,р.21]. Однако такая точка зрения не находит поддержки основной массы исследователей, которые склоняются к отождествлению данных понятий[55,р.276-280], что подтверждено решением Международного уголовного суда по Руанде[42,para.629].

Один из важных вопросов относительно непосредственного участия в военных действиях – вопрос о длительности такого участия или, иначе говоря, о времени, на протяжении которого гражданское лицо может быть законной целью для атаки. Несмотря на то что доминирует точка зрения, согласно которой лицо теряет предоставленную ему защиту лишь на время непосредственного проведения такой атаки, на время подготовки к ней, а также на время обратного пути с места военных действий[71,para.38][4,р.29][7,р.619][41,р.44-45]

[17,р.1873-1886][101,с.33], ряд авторов считают данную точку зрения неправомерной, так как она дает чересчур большие преимущества для лиц, злоупотребляющих своим гражданским положением[84,р.281-314]. В связи с этим выдвигается теория, согласно которой гражданское лицо, хотя бы раз принимавшее участие в военных действиях, остается законной целью[56,р.4-9] для атаки до тех пор, пока не расположит себя вне конфликтующей стороны таким образом, чтобы это стало известно стороне противника, даже если у нее и отсутствовали сведения об участии такового лица в военных действиях. Данная точка зрения не находит признания у большинства исследователей и не подтверждена судебными прецедентами; она создавала бы неопределенность относительно статуса гражданских лиц в военных конфликтах, что привело бы к снижению уровня защиты.

Ряд исследователей рассматривают положения п. 1 и 2 ст. 5 четвертой Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны[103] как разрешающие целевое убийство лица, чья деятельность враждебна по отношению к безопасности государства[55,р.300]. Однако с этим это вряд ли можно согласиться, так как единственные полномочия указанного государства по отношению к такому лицу – возможность его задержания (п. 1 ст. 78) и последующего осуждения к смертной казни[70,para.24][63,р.111], что не составляет целевого убийства.

Таким образом, согласно нормам международного гуманитарного права целевое убийство гражданских лиц во время военного конфликта возможно лишь в случае их непосредственного участия в военных действиях и лишь на период такого участия.

Последний вопрос, связанный с целевым убийством во время военного конфликта, который мы хотели бы затронуть, – использование дронов и беспилотных летательных аппаратов[104,с.23-28]. Международное право запрещает вести боевые действия таким способом, который исключал бы сдачу противника в плен или приказ уничтожать противника без пощады, так как убийство комбатантов противника не является самоцелью военных действий, это лишь средство заставить противника прекратить военные действия. В то же время использование дронов в боевых действиях, особенно автономных, ставит возможность противника сдаться под сомнение; это не означает недопустимость использования дронов вообще, так как международное гуманитарное право не запрещает внезапные атаки, при которых противник не имеет времени для сдачи, если такая атака не представляется возможной (что особенно актуально при использовании наземных дронов). Управление дроном или его программное обеспечение

должны допускать возможность прекращения атаки в случае сдачи противника[57,р.5]. Особенности использования дронов, которые позволяют лишь уничтожить противника, но не захватить его, ставят командование в трудное положение: если атака не увенчалась успехом и цель была ранена, а не уничтожена, то продолжение атаки против нее и против медицинского персонала, который пытается ее спасти, – военное преступление[7,р.367-371].

По общему правилу стороны вольны использовать любое оружие. Дроны не подпадают под уже существующие запреты, и это означает, что их использование само по себе законно. Однако это не означает, что их использование законно независимо от способа использования. Так, современные автономные системы не способны различать гражданские и военные цели, самые продвинутые способны лишь распознавать военную технику и укрепления, но не отличать комбатантов противника от гражданских; более того, они не способны удовлетворять требованиям пропорциональности и предосторожности при применении силы, что делает применение автономных систем вооружения на данном уровне развития не соответствующим международному праву, так как ведет к нападениям неизбирательного характера. Однако их использование может быть одобрено для решения узких задач, например, для уничтожения крупных военных объектов, когда принцип пропорциональности будет соблюден *de facto*[6,р.282-286].

Исходя из вышесказанного, мы можем сделать вывод о том, что практика целевых убийств находится в согласии с нормами международного гуманитарного права, однако она является субъектом ограничений со стороны ряда его норм, в частности, принципов пропорциональности, военной необходимости, осторожности, различия между комбатантами и гражданскими лицами, а также норм, регулирующих методы и способы ведения войны.

Международное право прав человека.

Помимо ситуаций военного времени государство сталкивается с необходимостью проведения операций по ликвидации конкретных лиц и в мирное время; более того, право прав человека регулирует вопрос о лишении жизни гражданских лиц в ситуации военного конфликта, за пределами, урегулированными специальными нормами гуманитарного права[91,с.47]. Право на жизнь закреплено в различных международных конвенциях[93][3][2], однако оно не абсолютно. Так Пакт о гражданских и политических правах, а также Африканская

хартия и Американская конвенция, которые дублируют статью 6 Пакта, запрещает лишь произвольные убийства (о значении произвольности, а также трактовании этого термина судебными инстанциями и учеными см. три Отто[55,р.52-62]), а Европейская конвенция, несмотря на то, что запрещает любое умышленное лишение жизни, устанавливает допустимые основания для ее лишения. Таким образом, лишь на основании прецедентной практики судебных институтов, учрежденных в соответствии с указанными конвенциями, мы можем сделать вывод о границах допустимости использования летальной силы государством. Прецедентная практика выдвигает четыре критерия.

Во-первых, для того чтобы практика целевых убийств была признана законной с точки зрения международного права, она должна иметь законодательное закрепление в национальном праве; более того, правовые нормы, регулирующие данный вопрос, должны находиться в публичном доступе, т. е. не быть засекреченными и т. д. В противном случае при осуществлении государством целевых убийств без выполнения вышеназванного условия такая практика будет признана нарушающей право на жизнь, так как является произвольным лишением жизни[79,para.3][81,para.13.1-13.3][80,para.14.3][35,para.153]. Наиболее ярким прецедентом по указанному вопросу является дело *Strelez, Kessler and Krenz v. Germany*, рассмотренное ЕСПЧ в 2001 г. Суд решил, что инструкции, на основании которых органам пограничного контроля ГДР предписывалось стрелять на поражение в людей, пытавшихся пробраться в ФРГ, не могут быть квалифицированы в качестве закона исходя из смысла ст. 7 Конвенции[14,para.102]. Также правовые нормы, регулирующие применение силы, должны быть ясными и как можно более четко очерчивать допустимые пределы применения силы[102,с.8].

Во-вторых, для того чтобы соответствовать стандартам международного права в области прав человека, условия применения летальной силы должны соответствовать условию абсолютной необходимости[30,para.37][32,para.87] (т. е. не более того минимума, который необходим для восстановления законности). Необходимость имеет два критерия: качественный и количественный. Так, целевое убийство не может соответствовать нормам права прав человека, если использование более гуманных методов может достичь поставленного результата[38,para.50][32,para.87]; если использование силы, способной нанести вред лицу, неизбежно, то представители правоохранительного или иного органа должны использовать тот объем силы, который нанес бы минимальный

вред здоровью лица[1,para.4][33,para.23][81,para.13.1]. Также использование силы должно соответствовать временному критерию: летальная сила должна быть применена именно в тот момент, когда ее применение неизбежно; ее использование до или после этого момента составляет нарушение права на жизнь[36,para.14.5]. Однако в деле *Finogenov* ЕСПЧ принял несколько иное решение, применив принцип различия (между гражданскими лицами и террористами), согласно которому ликвидация террористов во время захвата заложников в Москве не должна быть рассмотрена как нарушение права на жизнь[11,para.210] и применение к ним летальной силы должно рассматриваться без учета принципа абсолютной необходимости[90,с.22]. Иными словами, Суд стремится адаптировать парадигму прав человека к антитеррористическим операциям путем заимствования ряда положений из международного гуманитарного права. Это существенно расширяет возможности государства по применению летальной силы к членам террористических организаций, что можно приветствовать. Однако нельзя принять такой подход за общепринятый; например, ликвидацию террористов в схожих обстоятельствах Межамериканская комиссия сочла нарушающей право на жизнь[34]. На наш взгляд, согласно принципу необходимости может быть оправдано применение летальной силы против *активных* членов террористических групп, если гибель таких лиц может повлечь за собой разложение группы и, как следствие, возможность применения к остальным членам нелетальной силы (разумеется, при условии, что применение силы удовлетворяет остальным принципам). Также возможно применение принципа различия, как в деле *Finogenov*, однако, на наш взгляд, это допустимо лишь в *особенных* ситуациях, как в указанном случае, путем рассмотрения конкретной антитеррористической операции в контексте иных событий.

В-третьих, применение летальной силы должно соответствовать критерию пропорциональности. Вопрос о пропорциональности применения летальной силы – это вопрос о том, с какой целью она может быть использована. В ст. 2 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод дан подобный перечень, но нужно учитывать, что это лишь перечень целей, для которых летальная сила может быть применена *потенциально*. Таким образом, даже абсолютно законное задержание или подавление бунта не являются основанием для применения такой силы в отрыве от обстоятельств[12,para.104][39,para.169]. Здесь возникает проблема, связанная с достаточно частыми контртеррористическими операциями ряда стран против лиде-

ров террористических организаций. Данные целевые убийства могут быть признаны законными только в том случае, если есть информация о том, что такое убийство может предотвратить готовящуюся террористическую атаку или иное нанесение вреда государству, обществу или гражданам; однако сам по себе факт участия в террористической деятельности в прошлом не является достаточным основанием. Иными словами, чтобы для устранения угрозы можно было применить летальную силу, она должна быть неотвратима. Ряд исследователей, в частности Д. Кретцмер, настаивают на возможности применения летальной силы к лицам, от которых исходит «общая угроза», так как, не применив силу сейчас, государство может упустить «последнее окно возможностей» для предотвращения атаки или теракта[45, p.184]. Однако, на наш взгляд, это равносильно полному отказу от концепции неотвратимости и может вести к бесконтрольному применению силы. Лишь тогда, когда лицо начало выполнять объективную сторону преступления, оно может подвергнуться применению силы, в том числе летальной. Существует точка зрения, согласно которой принципом пропорциональности может охватываться также «косвенный ущерб» в случае защиты существенного общественного интереса; в качестве примера приводится таран густонаселенного здания гражданским самолетом с пассажирами, захваченным террористами[49]. Однако Конституционный Суд ФРГ признал такую тактику не соответствующей праву на жизнь[25]. ЕСПЧ допускает наличие жертв среди мирных граждан при проведении специальных операций, однако в отличие от косвенного урона в международном гуманитарном праве окружающие должны *иметь существенные шансы выжить*, а на государстве лежит обязанность планировать операции таким образом, чтобы максимально снизить потери[90, c.17][11, para.210].

В-четвертых, применение силы должно соответствовать требованию осторожности. Например, полицейская (и иная другая не военная) операция должна быть спланирована таким образом, чтобы свести к минимуму возможность применения летальной силы[15, para.56][13, para.97]. Более того, даже приказ о применении летальной силы не освобождает государственного служащего, непосредственно ее применяющего, от взвешивания всех обстоятельств дела, в особенности при проведении операции по недостаточным разведывательным данным[61, para.52]. Также госслужащий должен обозначить себя и предупредить о том, что в текущих обстоятельствах он должен применить летальную силу, за исключением случаев,

когда такое предупреждение излишне или подвергнет его или иных лиц существенному риску[37, para.43][31, para.42][81, para.13.2]. Простое подозрение в необходимости применения силы отличается от искреннего заблуждения, при котором условие осторожности считается не только субъективным элементом, но и объективным критерием (насколько это было разумным в предполагаемых обстоятельствах).

Некоторые ученые, в частности Русинова[64, p.96-114][97, c.4-20], выдвигают «комплексный подход» к лишению жизни, который основывается на практике ЕСПЧ по чеченским делам[50, p.384-394.] и фактически приводит к применению стандартов права прав человека во время вооруженных конфликтов, в том числе и в отношении комбатантов, участвующих в военных действиях. Русинова признает, что комбатанты наделены правом участвовать в военных действиях, что влечет за собой право на применение силы, которое не согласуется с принципом абсолютной необходимости и пропорциональности. В то же самое время, признается, что право на применение летальной силы комбатантами против иных комбатантов ограничено, в первую очередь ограничением на методы ведения войны и вооружения. Т.е. устанавливается, что данное право не является неограниченным и следовательно нет никаких препятствий, исходя из которых оно не могло бы быть ограничено иными положениями международного права. Более того, автор утверждает, что в ситуации международного вооруженного конфликта государства, участвующие в конфликте, должны издать акт, который вводил бы ограничение права на жизнь в связи с военным конфликтом. Однако, ввиду того, что государства этого как правило не выполняют (хотя необходимость этой обязанности является отдельным вопросом), то соответственно органы, рассматривающие вопрос о правомерности лишения жизни, должны исходить из норм права прав человека, а не МГП. Также отмечается, что ввиду того, что права могут быть ограничены лишь в той степени, в которой это необходимо в конкретной ситуации, а значит также является предметом принципов абсолютной необходимости и пропорциональности. В дополнение к этому, так как право на жизнь ограничено лишь в той степени, в которой оно было лишено в ходе «законных актов войны», то возникает вопрос о том, что законность таких актов не обязательно является эксклюзивным вопросом МГП, а может быть решена также с привлечением норм иных отраслей.

В заключение, автором утверждается, что так как грань между международным вооруженным конфлик-

том и не международным размывается (в качественном характере), то нет необходимости в наличии двух подходов к обоим типам конфликтов и «комплексный подход» является идеальным решением, хотя и возможно в настоящее время служит лишь рекомендацией на будущее[64,p.113].

На наш взгляд у данного подхода есть несколько недостатков.

Во-первых, он базируется на решениях ЕСПЧ, в которых применимость норм международного гуманитарного права была больше вопросом политики, нежели права и фактических обстоятельств дела, в связи с чем, стороны отрицали наличие вооруженного конфликта на их территории.

Во-вторых, применение принципа абсолютной необходимости, в том виде, в котором он существует в МППЧ нецелесообразно, так как необходимость применения силы и так уже инкорпорирована в МГП в форме принципа военной необходимости, которая варьируется в зависимости от обстоятельств дела от необходимости в ее классическом понимании, когда речь идет о конвенциональных военных операциях, до «брата близнеца» абсолютной необходимости, в ситуациях, когда речь идет о специальных операциях или целевых убийствах[50,p.286-289][55,p.216][22,p.33].

В-третьих, действительно, право на ведение военных действий может быть ограничено иными нормами международного права, но на настоящий момент времени, такие нормы вне МГП, присутствуют лишь в части ограничения применяемого вооружения. Более никакие международные договора не затрагивают вопрос ведения военных действий (кроме тех, которые являются частью МГП разумеется).

В-четвертых и в самых главных, данные тест накладывает невыполнимые ограничения на стороны, участвующие в конфликте, в особенности на государство в вооруженном конфликте немеждународного характера и на более развитое государство в случае асимметричного международного конфликта. Принятие такого слишком сложного теста на вооружение, привело бы к тому, что он бы попросту игнорировался сторонами конфликта. Тем более в современных условиях, когда, как правильно было замечено автором, грань между вооруженными конфликтами международного и немеждународного характера стирается, но движение происходит в сторону большего сходства немеждународных конфликтов с международными, нежели наоборот. Что ставит необходимость приведения стандарта применения силы в немеждународных конфликтах к

стандартам международных и признания ошибочности практики ЕСПЧ[55,p.179-180].

Таким образом, применение летальной силы в операциях, отличных от военных, существенно ограничивает политику целевых убийств (так как допустимо лишь для самообороны и защиты третьих лиц в различных ситуациях), но полностью не запрещает такую политику.

Наконец, затронем точку зрения, согласно которой возможно существование иного оправдания для указанной практики вне гуманитарного права и права прав человека[73,p.90-135]. Совершение целевого убийства без достаточного на то оправдания представляет собой международное правонарушение. Проектом статей о государственной ответственности предусмотрены основания для освобождения от ответственности, но данные основания неприменимы к международному праву прав человека и гуманитарному праву. Нормы международного права прав человека, которые составляют *jus cogens* (как минимум четыре неотчуждаемых права), что было подтверждено в деле *Barcelona Traction*[40,para.33-34] и признается многими авторами[51,p.1-23][26,p.120][58,p.412-413][50,p.214-221][54,p.53] (а значит, препятствует применению вышеуказанных положений), и конвенции в этой области не предоставляют возможности избежать ответственности за их нарушение по указанным основаниям[59,p.29], так как в отличие от обычных договоров направлены не на защиту государственного интереса[18,para.50]. Схожий механизм применяется и в международном гуманитарном праве. Так, ст. 1 Женевских конвенций говорит о том, что они применяются в любых обстоятельствах, в том числе в случае конфликта с противником, не являющимся стороной конвенций; они начинают действовать с начала военного конфликта и не могут быть отменены по воле сторон или из соображений самозащиты, а также являются *jus cogens*[43,para.500][54,p.61]. Точка зрения, согласно которой целевые убийства могут быть оправданы исходя из теории «справедливой войны»[73,p.90-135], не находит закрепления в современном международном праве[99,c.117-125] и не выдерживает никакой критики.

Такими образом, несмотря на то что практика целевых убийств не противоречит международному праву, она является субъектом существенных ограничений со стороны права военных конфликтов и права прав человека.

Библиография:

1. ACHPR, *Ouédraogo v. Burkina Faso*, Communication N 204/97, Decision of 1 May 2001. Para. 4;
2. African Charter on Human and Peoples' Rights. Adopted: Nairobi, 27 June 1981; entry into force: 21 October 1986.
3. American Declaration of the Rights and Duties of Man. Adopted by the Ninth International Conference of American States. Bogota (Colombia), 1948;
4. Amnesty International, AI Doc. MDE 15/005/2001 (February 21, 2001). P. 29;
5. Anderson K. Targeted Killing in US counter Terrorism Strategy // *Legislating War on Terror: An Agenda for the Reform* / ed. D. Wittes. Washington, 2009. P. 343–365.
6. Boothby B. *The Law of Targeting*. Oxford, 2012. 583 p.
7. Commentary on the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Convention of 12 August 1949 / eds. Y. Sandoz, C. Swinarsky, B. Zimmermann. Geneva, 1987. 1448 p.
8. Dahl A. The Legal Status of the Opposition in International Armed Conflict // *Review droit militaire*. 2004. N 43. P. 137–153.
9. Dinstein Y. *The Conduct of Hostilities under the Law of International Armed Conflict*. Cambridge, 2004. 342 p.
10. Doswald-Beck L. The Right to Life in Armed Conflicts: Does International Humanitarian Law Provide the Answers? // *International Review of the Red Cross*. 2006. N 864. P. 867–899
11. ECHR, *Finogenov and Others v. Russia*. Application N 18299/03 and 27311/03. Judgment of 20 December 2011. Para. 210.
12. ECHR, *McCann, Farrell and Savage v. United Kingdom*. App. N 18984/91. September 27 1995. Series A. N 324.
13. ECHR, *Nachova and others v. Bulgaria*. Applications N 43577/98, Judgment of 6 July 2005. Para. 97.
14. ECHR, *Streletz, Kessler and Krenz v. Germany*. Applications N 34044/96. Judgment of 22 March 2001. Para. 102.
15. ECHR, *Wolfgram v. Germany*. Application N 11257/84, Admissibility decision of 6 October 1986. Para. 56;
16. ECHR, *Finogenov and Others v. Russia*. Application N 18299/03 and 27311/03. Judgment of 20 December 2011. Para. 230.
17. Eichensehr K. On Target? The Israeli Supreme Court and the Expansion of Targeted Killing // *Yale Law Journal*. 2007. N 2. P. 1873–1881;
18. Eur. Ct. H. R., *Ireland v. UK*. Series A. N 25. Para. 239; Inter-Am. Ct. H. R., *Restrictions to the Death Penalty*. Series A. N 3. 1983. Para. 50.
19. European Commission for Democracy through the Law. Opinion N 245/2003. Para. 18.
20. Fidler D. The International Legal Implication of “Non-lethal” Weapons // *Michigan International Law Review*. 1999. N 21. P. 51–100.
21. Fionnuala D. *The Politics of Force: Conflict Management and State Violence in Northern Ireland*. Belfast, 2000. 348 p.
22. Fleck D. *Handbook of International Humanitarian Law*. Oxford, 2013. 670 p.
23. Fleck D. Ruses of War and Prohibition of Perfidy // *Revue de droit penal militaire et de droit de la guerre*. 1970. N 13. P. 269–314.
24. Frank T. Terrorism and the Right of Self Defense // *American Journal of International Law*. 2001. N 95. P. 832–857.
25. German Federal Constitutional Court, H. et al. v. § 14(3) “Luftsicherheitsgesetz” (LuftSiG) of 11 January 2005 (BGBl I. P. 78). BVerfG, 1 BvR 357/05, Judgment of 15 February 2006.
26. Gormley P. The Right to Life and the Rule of Non-Derogability: Peremptory Norms of Jus Cogens // *The Right to Life in International Law* / ed. B. G. Ramcharan. Dordrecht, 1985. P. 97–168
27. Gray C. *International Law and the Use of Force*. Oxford, 2008. 430 p.
28. Greenspan M. *Modern Law of Warfare*. Berkley, 1959. 421 p.
29. Henkaerts J. – M., Doswald-Beck L. *Customary International Humanitarian Law*. Vol. 1. Cambridge, 2005. 676 p.
30. IACHR, *Alejandre et al. v. Cuba*. Case N 11.589, Report N 86/99, 29 September 1999. Para. 42;
31. IACHR, *Alejandre et al. v. Cuba*. Case N 11.589, Report N 86/99, 29 September 1999. Para. 37;
32. IACHR, Report on Terrorism and Human Rights, 22 October 2002 (OEA/Ser. L/V/II. 116 Doc. 5 rev. 1 corr.). Para. 87.
33. IACHR, *Chumbivilcas v. Peru*. Case N 10.559, report N 1/96. 1 March 1999. Para. 23; UNHRC, *de Guerrero case*. Para. 13.1.
34. IACHR, *Eduardo Nicolas Cruz Sanchez et al. v. Peru*. Petition 136/03. Admissibility Report N 13/04 of 27 February 2004.
35. IACHR, *Myrna Mack Chang v. Guatemala*. Merits, Reparations, and Costs, Judgment of November 25, 2003. Series C. Para. 153.
36. IACHR, *Neira Alegria et al vs. Peru*, judgment of 19 January 1995 (merits). Para. 14.5.
37. IACHR, *Neira Alegria et al vs. Peru*. Judgment of 19 January 1995 (merits). Para. 43;
38. IACHR, Report Guatemala. Para. 50; IACHR, Report on Terrorism and Human Rights. Para. 87.
39. IACHR, Third Report on the Situation of Human Rights in Columbia, 26 February 1999. Para. 169.
40. ICJ, *Barcelona Traction Light and Power Company, Limited, Second Phase*, Judgment of February 5, 1970, I. C. J. Reports 1970. Paras. 33–34.
41. ICRC Interpretive Guidance on Notion of Direct Participation in Hostilities. Geneva, 2009. P. 71–73.
42. ICTR, *Prosecutor v. Jean-Paul Akayesu*. Case N ICTR-96-4-T. September 2, 1998. Para. 629.
43. ICTY, *Prosecutor v. Zoran Kupresric et al.* IT-95-16-T, 14 January 2000. Para. 500;
44. Israeli Military Court Ramallah, *Prosecutor v. Omar Mahmud Kasseem et al.* Case N 4/69. Judgment of April 13. 1969.
45. Kretzmer D. Targeted Killing of Suspected Terrorist: Extrajudicial Execution or Legitimate Means of Defence? // *European Journal of International Law*. 2005. Vol. 16. P. 171–212.
46. Luft G. The Logic of Israeli's Targeted Killing: It's Worked – Most of the Time // *Middle East Quaterly*. 2003. N 10. P. 3–14.
47. Malisson T. The Juridical Status of Irregular Combatants under the International Humanitarian Law of Armed Conflicts // *Case Western Reserve Journal of International Law*. 1977. N 9. P. 39–78.

48. McCoubrey H. *International Organization and Civil War*. Aldershot, 1995. 352 p.
49. Melzer N. *Human Rights Implications of the Usage of Drones and Unmanned Robots in Warfare*. Study for European Parliament // [www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2013/410220/EXPO-DROI_ET\(2013\)410220_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2013/410220/EXPO-DROI_ET(2013)410220_EN.pdf).
50. Melzer N. *Targeted Killing in International Law*. Oxford, 2010. 468 p.
51. Meron T. *On a Hierarchy of International Human Rights* // *American Journal of International Law*. 1986. Vol. 80. P. 1–23.
52. Moir L. *The Law of Internal Armed Conflicts*. Cambridge, 2002. P. 328.
53. Neuman G. *Humanitarian Law and Counterterrorist Force* // *European Journal of International Law*. 2003. N 14. P. 283–294.
54. Orakhelashvili A. *Preemptory Norms in International Law*. Oxford, 1996. 672 p.
55. Otto R. *Targeted Killing and International Law*. Springer, 2010. 661 p.
56. Parks H. *Memorandum of Law: Executive Order 12,333 and Assassination* // *Army Lawyer*. 1989. N 19. P. 2–14.
57. Parks W. *Executive Order 12333 and Assassination*, Memorandum of Law. 2 November 1989. Reproduction Fil, Office of the Judge Advocate General of the Army. Washington D. C.
58. Paust J. *The Right to Life in Human Rights Law and the Law of War* // *Saskatchewan Law Review*. 2002. Vol. 65. P. 411–425.
59. PCIJ, *Factory at Chorzow, Merits*, 13 September 1928. Series A. N 17(1928). P. 29.
60. Pictet J. *The Geneva Conventions of 12 August 1949: Commentary*. Vol. 3. Geneva, 1960. 795 p.
61. *Report of Special Rapporteur (Execution)*, 8 March 2006, E/CN. 4/2006/53. Para. 52.
62. Rodley N. *Treatment of Prisoners under International Law*. Oxford, 2009. 750 p.
63. Rosenblad E. *Guerrilla Warfare and International Law* // *Revue de droit penal militaire et de droit de la guerre*. 1973. N 12. P. 101–123.
64. Rusinova V. *Lawfulness of “Targeted Killings” under International Humanitarian and Human Rights Law* // *International Justice and Countering International Terrorism* / ed. by E. Salygin, E. Ivanov. M., 2013. Ch. 9. P. 96–114.
65. Saab A. *Humanitarian Law and Internal Conflicts: The Evolution of Legal Concerns* // *Humanitarian Law of Armed Conflicts: Challenges ahead – essay in honour of Fitz Kalshoven* / ed. A. Delissen. Dordrecht, 1991. P. 201–223.
66. Schmitt M. *The Interpretive Guidance on Notion on Direct Participation in Hostilities: A Critical Analysis* // *Harvard National Security Law Journal*. 2010. Vol. 1. P. 30–65.
67. Solis G. *The Law of Armed Conflict: International Humanitarian Law in War*. Cambridge, 2010. 692 p.
68. Statman D. *Targeted Killing* // *Theoretical Inquiries in Law*. 2004. Vol. 5. P. 179–198.
69. Stein Y. *By any Name Illegal and Immoral: Response to Israel’s Policy of Targeted Killing* // *Ethics and International Affairs*. 2003. N 1. P. 127–137.
70. *Supreme Court of Israel, Ajuri v. IDF Commander in the West Bank*. H. C. J. 7015/02. September 2, 2002. Para. 24;
71. *Supreme Court of Israel, The public committee against torture in Israel and LAW v. The State of Israel et al.* H. C. J. 769/02. December 11. 2006. merits. Para. 38;
72. Takahashi Y. *Disentangling Legal Quagmires: The Legal Characterization of the Armed Conflict in Afghanistan since 6/7 October 2001 and the Question of Prisoner of War Status* // *Yearbook of International Law*. 2002. N 5. P. 61–105.
73. *Targeted Killing: Law and Morality in an Asymmetric Warfare* / eds. C. Finkelstein, J. Ohlin, A. Altman. Oxford, 2013. 485 p.
74. Tomuschant C. *Gezielte Totungen (targeted killing) – Zugleich ein Kommentar zum Gutachten des Internationalen Gerichtshofs* // *Vereinte Nationen*. 2004. N 9. P. 136–140.
75. *UN Commission on Human Rights, Question of the Violation of Human Rights in the Occupied Arab Territories, including Palestine – Report of the Human Rights Inquiry Commission established pursuant to Commission Resolution S-5/1 of 19 October 2000*. UN Doc. E/CN. 4/2001/121 (March 16, 2001). P. 194.
76. UN Doc. S/2002/1012.
77. UN GA, Conference 183, *Report of the preparatory committee on the establishment of an International criminal court*, UN Doc. A/Conf. 183/2/Add. 1(April 14, 1998). P. 21.
78. UN General Assembly, *Special Committee to Investigate Israeli Practice Affecting the Human Rights of the Palestinian People and other Arabs of the Occupied Territories*, Report of October 21, 1992, UN Doc. A/47/509, paras. 47–50;
79. UNHRC, *Human Rights Committee, General Comment 6, Article 6 (Sixteenth session, 1982), Compilation of General Comments and General Recommendations Adopted by Human Rights Treaty Bodies*, U. N. Doc. HRIGEN1Rev. 1 at 6 (1994). Para. 3;
80. UNHRC, *Baboeram et al. v. Surinam*, Communication N 146/1983, 10 April 1984, Un. Doc. Supp. N 40(A/40/40). Para. 14.3;
81. UNHRC, *Suarez de Guerrero v. Colombia*. Communication N R.11/45 of 31 March 1982, UN Doc. Supp. N 40 (A/37/40). Para. 13.2.
82. *US Council to the President Alberto R. Gonzales, Decision re Application of the Geneva Convention on Prisoner of War to the Conflict with al Qaeda and Taliban*, Memorandum to the President George W. Bush. February 25. 2002. P. 1.
83. *US Military Tribunal (Nuremberg), US v. Wilhelm List et al. (Hostage Trial)*. Judgment of Febuary 19. 1948. Case N 215;
84. Watkin K. *Canada / United States Military Interoperability and Humanitarian Law Issues: Land Mines, Terrorism, Military Objectives and Targeted Killing* // *Duke Journal of Comparative and International Law*. 2005. N 14. P. 281–314.
85. Watkin K. *Combatants, Unprivileged Belligerent and Conflicts in 21th Century*. Cambridge, 2003. 521 p.
86. Батырь В. А. *Международное гуманитарное право*. М., 2011. 688 с.
87. Гриценко Т. *Ловушка для врага* // *Время новостей*. 2006. 12 июня.
88. *Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов (Протокол II)*. Женева, 8 июня 1977 г. // *Действующее международное право*. Т. 2. С. 793–803.

89. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I). Женева, 8 июня 1977 г. // Действующее международное право / сост. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. Т. 2. М., 1997. С. 731–792.
90. Дронова К. С. «Финогенов и другие против России»: защита права на жизнь на грани мира и войны. Постановление Европейского Суда по правам человека от 20 декабря 2011 г. // Международное правосудие. 2012. № 3. С. 16–23.
91. Исупова М. В. Соотношение международного гуманитарного права и международного права прав человека в рамках процесса фрагментации международного права // Российский юридический журнал. 2013. № 5. С. 43–48.
92. Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, 18 октября 1907 г. // Действующее международное право. Т. 2. С. 575–587.
93. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163;
94. Конец Черного араба // Итоги. 2002. 30 апр.
95. Народ Чечни молчит, но это пока // Власть. 2012. 16 янв.
96. Плугатарев И. Приказ: «Ликвидировать!» // Независимая газета. 2004. 16 апр.
97. Русинова В. Н. Международно-правовое регулирование права на жизнь в вооруженных конфликтах // Московский журнал международного права. 2013. № 1. С. 4–20.
98. Русинова В. Н. Руководство Международного комитета Красного Креста по толкованию понятия «непосредственное участие в военных действиях»: pro et contra // Московский журнал международного права. 2011. № 4. С. 19–36.
99. Сазонова К. Р. Концепция «справедливой войны» в современном международном праве // Журнал российского права. 2014. № 5. С. 117–125.
100. Третья Женевская конвенция об обращении с военнопленными. Женева, 12 августа 1949 г. // Действующее международное право. Т. 2. С. 634–681.
101. Хзмалян А. Т. Право, применимое к борьбе с терроризмом в вооруженных конфликтах и в мирное время // Юрист-международник. 2007. № 2. С. 26–38.
102. Чернышова О. С. Защита права на жизнь: Обзор практики Европейского Суда по правам человека по жалобам против Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 5. С. 5–15.
103. Четвертая Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны. Женева, 12 августа 1949 г. // Действующее международное право. Т. 2. С. 523–545.
104. Саврыга К. П. Международно-правовое регулирование использования дронов для целевых убийств и военных действий // Военно-юридический журнал. 2015. № 1. С. 23–28

References (transliterated):

1. Anderson K. Targeted Killing in US counter Terrorism Strategy // *Legislating War on Terror: An Agenda for the Reform* / ed. D. Wittes. Washington, 2009. P. 343–365.
2. Boothby B. *The Law of Targeting*. Oxford, 2012. 583 p.
3. Dahl A. The Legal Status of the Opposition in International Armed Conflict // *Review droit militaire*. 2004. N 43. P. 137–153.
4. Dinstein Y. *The Conduct of Hostilities under the Law of International Armed Conflict*. Cambridge, 2004. 342 p.
5. Doswald-Beck L. The Right to Life in Armed Conflicts: Does International Humanitarian Law Provide the Answers? // *International Review of the Red Cross*. 2006. N 864. P. 867–899
6. Eichensehr K. On Target? The Israeli Supreme Court and the Expansion of Targeted Killing // *Yale Law Journal*. 2007. N 2. P. 1873–1881;
7. Fidler D. The International Legal Implication of “Non-lethal” Weapons // *Michigan International Law Review*. 1999. N 21. P. 51–100.
8. Fionnuala D. *The Politics of Force: Conflict Management and State Violence in Northern Ireland*. Belfast, 2000. 348 p.
9. Fleck D. *Handbook of International Humanitarian Law*. Oxford, 2013. 670 p.
10. Fleck D. Ruses of War and Prohibition of Perfidy // *Revue de droit penal militaire et de droit de la guerre*. 1970. N 13. P. 269–314.
11. Frank T. Terrorism and the Right of Self Defense // *American Journal of International Law*. 2001. N 95. P. 832–857.
12. Gormley P. The Right to Life and the Rule of Non-Derogability: Peremptory Norms of Jus Cogens // *The Right to Life in International Law* / ed. B. G. Ramcharan. Dordrecht, 1985. P. 97–168
13. Gray S. *International Law and the Use of Force*. Oxford, 2008. 430 p.
14. Greenspan M. *Modern Law of Warfare*. Berkley, 1959. 421 p.
15. Henkaerts J. – M., Doswald-Beck L. *Customary International Humanitarian Law*. Vol. 1. Cambridge, 2005. 676 p.
16. Kretzmer D. Targeted Killing of Suspected Terrorist: Extrajudicial Execution or Legitimate Means of Defence? // *European Journal of International Law*. 2005. Vol. 16. P. 171–212.
17. Luft G. The Logic of Israeli’s Targeted Killing: It’s Worked – Most of the Time // *Middle East Quarterly*. 2003. N 10. P. 3–14.
18. Malisson T. The Juridical Status of Irregular Combatants under the International Humanitarian Law of Armed Conflicts // *Case Western Reserve Journal of International Law*. 1977. N 9. P. 39–78.
19. McCoubrey H. *International Organization and Civil War*. Aldershot, 1995. 352 p.
20. Melzer N. *Human Rights Implications of the Usage of Drones and Unmanned Robots in Warfare*. Study for European Parliament // [www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/etudes/join/2013/410220/EXPO-DROI_ET\(2013\)410220_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/etudes/join/2013/410220/EXPO-DROI_ET(2013)410220_EN.pdf).

21. Melzer N. Targeted Killing in International Law. Oxford, 2010. 468 p.
22. Meron T. On a Hierarchy of International Human Rights // *American Journal of International Law*. 1986. Vol. 80. P. 1–23.
23. Moir L. The Law of Internal Armed Conflicts. Cambridge, 2002. P. 328.
24. Neuman G. Humanitarian Law and Counterterrorist Force // *European Journal of International Law*. 2003. N 14. P. 283–294.
25. Orakhelashvili A. Preemptory Norms in International Law. Oxford, 1996. 672 p.
26. Otto R. Targeted Killing and International Law. Springer, 2010. 661 p.
27. Parks H. Memorandum of Law: Executive Order 12,333 and Assassination // *Army Lawyer*. 1989. N 19. P. 2–14.
28. Parks W. Executive Order 12333 and Assassination, Memorandum of Law. 2 November 1989. Reproduction File, Office of the Judge Advocate General of the Army. Washington D. C.
29. Paust J. The Right to Life in Human Rights Law and the Law of War // *Saskatchewan Law Review*. 2002. Vol. 65. P. 411–425.
30. Pictet J. The Geneva Conventions of 12 August 1949: Commentary. Vol. 3. Geneva, 1960. 795 p.
31. Rodley N. Treatment of Prisoners under International Law. Oxford, 2009. 750 p.
32. Rosenblad E. Guerrilla Warfare and International Law // *Revue de droit penal militaire et de droit de la guerre*. 1973. N 12. P. 101–123.
33. Rusinova V. Lawfulness of “Targeted Killings” under International Humanitarian and Human Rights Law // *International Justice and Countering International Terrorism* / ed. by E. Salygin, E. Ivanov. M., 2013. Ch. 9. P. 96–114.
34. Saab A. Humanitarian Law and Internal Conflicts: The Evolution of Legal Concerns // *Humanitarian Law of Armed Conflicts: Challenges ahead – essay in honour of Fitz Kalshoven* / ed. A. Delissen. Dordrecht, 1991. P. 201–223.
35. Schmitt M. The Interpretive Guidance on Notion on Direct Participation in Hostilities: A Critical Analysis // *Harvard National Security Law Journal*. 2010. Vol. 1. P. 30–65.
36. Solis G. The Law of Armed Conflict: International Humanitarian Law in War. Cambridge, 2010. 692 p.
37. Statman D. Targeted Killing // *Theoretical Inquiries in Law*. 2004. Vol. 5. P. 179–198.
38. Stein Y. By any Name Illegal and Immoral: Response to Israel’s Policy of Targeted Killing // *Ethics and International Affairs*. 2003. N 1. P. 127–137.
39. Takahashi Y. Disentangling Legal Quagmires: The Legal Characterization of the Armed Conflict in Afghanistan since 6/7 October 2001 and the Question of Prisoner of War Status // *Yearbook of International Law*. 2002. N 5. P. 61–105.
40. Tomuschant C. Gezielte Tötungen (targeted killing) – Zugleich ein Kommentar zum Gutachten des Internationalen Gerichtshofs // *Vereinte Nationen*. 2004. N 9. P. 136–140.
41. Watkin K. Canada / United States Military Interoperability and Humanitarian Law Issues: Land Mines, Terrorism, Military Objectives and Targeted Killing // *Duke Journal of Comparative and International Law*. 2005. N 14. P. 281–314.
42. Watkin K. Combatants, Unprivileged Belligerent and Conflicts in 21st Century. Cambridge, 2003. 521 p.
43. Batyr’ V. A. *Mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo*. M., 2011. 688 s.
44. Gritsenko T. Lovushka dlya vruga // *Vremya novostei*. 2006. 12 iyunya.
45. Dronova K. S. «Finogenov i drugie protiv Rossii»: zashchita prava na zhizn’ na grani mira i voyny. Postanovlenie Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka ot 20 dekabrya 2011 g. // *Mezhdunarodnoe pravosudie*. 2012. № 3. S. 16–23.
46. Isupova M. V. Sootnoshenie mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava i mezhdunarodnogo prava prav cheloveka v ramkakh protsessa fragmentatsii mezhdunarodnogo prava // *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*. 2013. № 5. C. 43–48.
47. Plugatarev I. Prikaz: «Likvidirovat’!» // *Nezavisimaya gazeta*. 2004. 16 apr.
48. Rusinova V. N. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie prava na zhizn’ v vooruzhennykh konfliktakh // *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*. 2013. № 1. C. 4–20.
49. Rusinova V. N. Rukovodstvo Mezhdunarodnogo komiteta Krasnogo Kresta po tolkovaniyu ponyatiya «neposredstvennoe uchastie v voennykh deistviyakh»: pro et contra // *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*. 2011. № 4. S. 19–36.
50. Sazonova K. R. Kontseptsiya «spravedlivoi voyny» v sovremennom mezhdunarodnom prave // *Zhurnal rossiiskogo prava*. 2014. № 5. S. 117–125.
51. Khzmalyan A. T. Pravo, primenimoe k bor’be s terrorizmom v vooruzhennykh konfliktakh i v mirnoe vremya // *Yurist-mezhdunarodnik*. 2007. № 2. C. 26–38.
52. Chernyshova O. S. Zashchita prava na zhizn’: Obzor praktiki Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka po zhalobam protiv Rossiiskoi Federatsii // *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*. 2013. № 5. S. 5–15.
53. Savryga K. P. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie ispol’zovaniya dronov dlya tselevykh ubiistv i voennykh deistvii // *Voenno-yuridicheskii zhurnal*. 2015. № 1. s. 23–28